Кристи А.

15/IX 90

130

«Зал заседаний лондонского трибунала. На возвышении — большой стол, за ним сидят председательствующий и другие судьи. За спиной председателя — королевский герб и меч — символ карающего правосудия. Скамья для свидетелей. Еще две — для защиты, обвинителя. На скамье подсудимых — Агата Кристи».

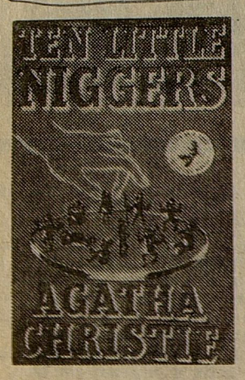
Это отрывок из публикации, напечатанной на страницах итальянского еженедельника «Эуропео» и посвященной знаменитой английской писательнице. Сегодня имя Агаты Кристи повторяют во многих странах мира: исполнилось сто лет со дня ее рождения.

Как отметить такой юбилей! Кажется, все написанное издано и переиздано сотни раз, опубликованы книги о жизни и творчестве знаменитой англичанки. Появилась идея: отметить день рождения Агаты Кристи в любимом ею жанре детектива. Многие ревнители чистоты полицейского романа не раз обвиняли писательницу в том, что она постоянно нарушала его каноны, распространяла свои «незрелые» сочинения и тем самым убила классический детектив.

Итак, имеет место убийство. Призываются пять самых известных детективов — герои зарубежных полицейских романов. Им поручено следствие. А затем, как и положено, слово обвинению, слово защите, допрос обвиняемой на суде... Конечно, воображаемый: ответы Агаты Кристи на вопросы судьи заимствованы из ее писем, статей, книг.

Мы перепечатываем «Процесс против Агаты Кристи» с некоторыми сокращениями.

ПРОЦЕСС ПРОТИВ АГАТЫ КРИСТИ



ОНА УБИЛА ПОЛИЦЕЙСКИЙ РОМАН...

Был серый английский осенний полдень. На мне была моя любимая одежда: светло-серая рубашка, темно-серый галстук. Мое настроение тоже было мрачным и поэтому очень подходило к этому дню. Я обогнул сад викария и припарковал машину. Тоже серую.

Меня вызвали в Англию, чтобы расследовать одно странное происшествие. И не меня одного. В аэропорту было еще четверо. Представились: «Сэм Спейд». «Лю Ачер». «Лемми Котн». «Майк Хэммер» *. Всем нам предстояло провести расследование преступления. И выяснить: кто убил полицейский роман?

Не буду описывать, как проходил наш полет. Достаточно сказать, что мы исчерпали весь запас виски и что по прилете красные от наших шуток стюардессы с трудом привели в порядок свои юбки...

Но все это к делу не относится. Я стоял под серым небом и думал об этой странной стране, где убийства почему-то происходят в самых неподходящих местах — в саду у викария, на территории старого аббатства, в полуразрушенных средневековых замках. И даже убивают здесь не так, как в других нормальных странах, а с помощью тропических рыбок или экзотических растений, канделябрами, кочергой, средневековыми кинжалами. Странные люди эти англичане. И ездят они по левой стороне, на дверях железнодорожных вагонов ручки только снаружи, биде они называют «помой скрипку», а девушки ходят без чулок даже при температуре ноль градусов. Можно ли ждать от них нормальных убийств?

— Ребята, вопрос вот в чем,— обратился я к остальным, когда мы собрались в гостинице.— Нас вызвали сюда, а мы не знаем, действительно ли совершено преступление? Это правда, что полицейский роман убит?

— Да, и это сделал француз,— сказал Лю.

— Бельгиец,— поправил его Майк, не отрывая взгляда от зада горничной. Он всегда умел делать два дела сразу.

— Его зовут Пуаро,— произнес Лемми.— И с ним еще эта обожаемая старая дева.

— Не такая уж обожаемая,— произнес Майк, не отрывая взгляда от того места, на которое смотрел.— Нахалка.

— Хорошо, хорошо,— сказал я.— Но нам нужны факты.

— Факты,— вскричал Сэм.— Так держи их! Произошла целая цепь необъяснимых убийств. Никто ничего не может понять. И тут появляется Пуаро и раскрывает в этих преступлениях логику. Оказывается, все дело в алфавите. Преступник убивает того, чье имя начинается на А, затем следует буква Б, и так далее. Так вот я и говорю: можно таким образом морочить голову читателям!

— Послушай-ка, Марлоу! — закричал Майк. Он уже оторвал взгляд от горничной, зато пустил в ход руки.— А история с неким доктором Шеппардом? Этот тип рассказывает о преступлении своему другу Пуаро, а сам-то и оказывается преступником? Так издеваться над читателем!

— А мисс Марпл? — подхватывает Лю.— Старая дева живет в затерянном поселке, где происходят невероятные преступления. Это в деревушке-то, где живут несколько десятков человек! Вот в моем городе улицы действительно завалены трупами, это да, так ведь я-то живу в Лос-Анджелесе!

— Словом,— говорю я,— вы все сходитесь на том, что полицейский роман убит и это преступление совершило лицо, которому подчиняются и Пуаро, и мисс Марпл. Агата Кристи! Итак, мы, проведя расследование совершенного, предъявляем ей обвинение в убийстве литературного жанра!

Все меня поддержали. И только тогда мы заметили по ту сторону стеклянной гостиничной двери две странные фигуры. Прижавшись к стеклу, они молча смотрели на нас. Это был грузноватый лысый мужчина с напомаженными усами и живыми глазами, да цветущего вида пожилая дама с внимательным взглядом и крупными белыми локонами. Они были похожи на двух детей, рассматривающих витрину кондитерской.

Они молчали, пока мы произносили наш приговор. И тут я увидел, как по их лицам скатились две капли. Были ли это слезы, или день выдался такой серый и дождливый — не знаю...

* Известные герои детективных романов.

Неизбывная склонность Агаты Кристи к банальности объясняется, очевидно, тем, что в детстве ее друзьями были исключительно повара, горничные и няньки. Очевидно, поэтому в ее сочинениях поваров, горничных и нянек можно без колебаний исключить из списка потенциальных преступников. В молодости она не доверяла самоуверенным молодым людям и врачам, поэтому позже совершенно спокойно отдавала их в руки палачей. Хотя Агата Кристи заканчивала образование в Париже, хотя у нее был красивого тембра голос, который звучал всегда очень уверенно, тем не менее она отличалась патологической робостью и всю свою жизнь жила крайне замкнуто. Согласилась стать президентом Лондонского клуба авторов детективного жанра только с условием, что ей никогда не придется произносить речей. Даже тосты в случае необходимости должны были произносить за нее заместители.

На создание детективов ее подтолкнуло французское сочинение «Тайна желтой комнаты». В подражание Агата Кристи выбрала своим героем детектива — бельгийца по имени Эркюль Пуаро. Это неудивительно: ее родной городок в те годы просто кишел беженцами из Бельгии. Правда, кое-кто утверждает, что она просто украла Пуаро у другого автора. В 1909 году, когда Агате было девятнадцать и она только начала писать, вышел роман, где орудовал сыщик по имени Пуаро. Его имя, привычки и манеру поведения перенял и герой Агаты Кристи.

Писательница доказала в своих сочинениях, что она порядочно разбирается в самых разных ядах и вообще в аптечных препаратах. А все потому, что во время первой мировой войны работала фармацевтом.

Первый успех пришел, когда Агате Кристи было тридцать. Одно из издательств решило опубликовать ее роман о Пуаро, продержав его в ящике два года. С самого начала своей карьеры, по утверждениию самой писательницы, она прочно нацелилась на банальность: «Я могла бы выбрать какое-нибудь экстравагантное убийство, но это не по мне». Ее метод состоял в том, что она исходила от факта убийства и только потом придумывала свои персонажи. Ей нравилось создавать своих призрачных героев.

Семьдесят лет фирма Агаты Кристи без перерыва выпускала детективы. По прогнозам, она будет заниматься этим и в будущем веке. Продано более миллиарда книг на английском и еще один миллиард — на других языках. Режиссеры кино и телевидения придали некоторую элегантность ее произведениям и определенную патину ностальгии, которая в них напрочь отсутствует, поскольку сама автор никогда не могла передать атмосферу своего времени.

Славу Агате Кристи принес роман «Убийство Роджера Экройда». Профессионалы и знатоки полицейского жанра остались шокированы этим сочинением, поскольку герой, рассказывающий историю убийства, в конце концов оказывается преступником. Кристи говорила, что идею подсказал ее двоюродный брат, который изрек однажды: «Мне доставило бы удовольствие узнать в один прекрасный день, что убийцей был Уотсон».

А вот другую свою героиню — автора детективных историй Ариадну Оливер — она списала с самое себя.

Многие писатели—современники Агаты Кристи—считают ее сочинения «черной рудой» современной литературы. Однако находятся бизнесмены, которые превращают эту руду в золото. Подготовлен новый десятисерийный телефильм о подвигах Пуаро, заканчивается работа над лентами «Ноль часов» и «Случилось однажды...». А сколько фильмов, телепостановок, симпозиумов и других торжеств запланировано на сентябрь месяц! Даже «Восточный экспресс», пыхтя и отдуваясь, вернется к этому времени в ее родной город. Есть ли противоядие всему этому?

А ЧТО СКАЖЕТ ЗАЩИТА?

Агата Кристи как-то заявила: «Считаю, что все мною написанное лишено какой-либо значимости. Пройдет лет десять после моей смерти, и никто обо мне даже не вспомнит».

Предвидение не сбылось — с 1976 года прошло уже четырнадцать лет. Романы Агаты Кристи идут по всему миру нарасхват, их печатают сотнями тысяч экземпляров. И, несмотря на это, кое-кто склонен с высокомерной небрежностью высказываться по поводу ее творчества. А она сама, с присущим ей юмором, свою плодовитость объясняла скорее ленью, и не раз повторяла, что «безделье, тем более скука — великие стимуляторы идей».

Как бы то ни было, но все злостные клеветники, пытающиеся опорочить старую Агату, приводят всегда один и тот же аргумент: ее полицейские романы в сущности — всего-навсего затейливая игра, убийца — или убийцы — фигуры на шахматной доске, смерть — некая абстракция, и самое главное — полное отсутствие крови. А она по этому поводу говорила следующее: «Мертвецы в луже крови мне не нравятся. Не люблю насилия. И все эти традиционные триллеры тоже не по мне. Сплошной садизм, никакой выдумки, никакого воображения. Я по возможности такого избегаю. Иногда испытываю почти ужас перед тем, что происходит в этой стране, потому что вижу: жестокость как таковая является источником наслаждения для современного человека».

Итак, каков же секрет того, что она, Агата Кристи, стала феноменом и в области литературы, и в области нравов?

Общеизвестно — и она сама в этом признавалась,— что писательница не могла похвастаться особой эрудицией, не была особенно наблюдательной, терпеть не могла огнестрельное оружие. Только яды считала «возбуждающе привлекательными». Она не была большой интеллектуалкой, и ее литературные вкусы не простирались далее Джейн Остин, Конан Дойля, ну и, конечно же, Диккенса.

Необходимо сказать, что Агате Кристи больше нравилось шлифовать диалоги, чем пускаться в описания. Эмма Эрколи, одна из западных литературоведов, говорит, что «она вышла за рамки всех стереотипных схем полицейского жанра. Ее романы проникнуты особой гаммой чувств, которая свойственна ее миру и который мы можем назвать «настоящей Англией». Сдержанность, чувство равновесия, умение держать дистанцию, тончайший юмор — все это просматривается в каждой строке, в каждом слове».

Кое-кто пробует доказать, что романы Агаты Кристи пахнут нафталином. Но реальность подтверждает иное: сегодня ее сочинения с удовольствием читает молодежь, и это доказывает, что Пуаро и мисс Марпл вовсе не вышли из моды. Страстными поклонниками Агаты Кристи являются и интеллигенты-преподаватели, адвокаты, электронщики. Все они обожают погружаться в ее мир, где убийства и прочие преступления совершаются с какой-то непостижимой грацией, и это позволяет на час-два уйти от реальностей, полных забот и проблем. В ее книгах нет тех ужасов, пыток, садизма, насилия, которыми полны сочинения современных авторов полицейских романов. У Агаты Кристи все происходит, как в хорошей швейцарской часовой мастерской,— все в строгом порядке, все точно и скрупулезно выверено.

Многие известные западные писатели считают, что от ее романов исходит ощущение исконной добропорядочности, что ее сочинения — это сплав удивительной моральности, соединенной с дьявольской наивностью и восхитительным чувством юмора, который помогает людям жить. Ее ненавистники могут сколько угодно говорить, что Пуаро — фигура дутая, всего-навсего напыщенная марионетка, неудавшийся внук Шерлока Холмса, а мисс Марпл — старая дева, насильно втиснутая в неудачную акварельку, на которой изображен ординарный сельский пейзаж. Однако, когда Агата Кристи «поднимает занавес», выясняется, что зал ее театра до отказа заполнен зрителями, и они сидят, затаив дыхание, готовые принять участие в этой увлекательной игре.

Ее доверенный Корк не мог понять, не мог объяснить причину головокружительного успеха книг и пьес писательницы, и постоянно задавал ей один и тот же вопрос — почему? Она спокойно отвечала: «Просто везет, мой дорогой»,— и смотрела на него с легкой иронией.

ВАШЕ СЛОВО, МАДАМ ПОДСУДИМАЯ

СУДЬЯ: — Мадам Агата, чаще всего Вам предъявляют обвинение в том, что Вы постоянно обманываете и запутываете читателя. Там и сям в своих произведениях Вы жульническим образом запрятываете доказательства преступления, и читатель не может их найти. Таким образом высказываете свое явное пренебрежение по отношению к нему. Далее, Вы обвиняетесь в нарушении золотых правил традиционного полицейского романа. Например, в сочинении «Убийство Роджера Экройда» все повествование идет от лица убийцы.

АГАТА КРИСТИ: — А Вы помните, господин судья, «Тайну желтой комнаты» Гастона Леруа? Вот это действительно классический детектив! Я принимаю его безоговорочно... Там все так логически выстроено... Помню, как в свое время его критиковали! Что касается романа «Убийство Роджера Экройда», то я действительно немного подзапутала карты, но если внимательно читать, все станет ясно.

СУДЬЯ: — Это правда, что среди других способов убийства Вы отдаете предпочтение яду?

АГАТА КРИСТИ: — Да нет, я вовсе не ограничиваюсь только ядами... Мне доводилось «пускать в ход» ножи, топоры, имели место убийства посредством удушения, повешения, кое-кого сбрасывали в пропасть. Наконец, вспомните револьвер.

СУДЬЯ: — Кстати, об огнестрельном оружии. Вас часто обвиняют в некомпетентности. Вы как-то всегда обозначаете огнестрельное оружие одним словом — револьвер, и все...

АГАТА КРИСТИ: — Да, револьвер... Вы думаете, что-нибудь изменилось бы, если бы я написала «Смит и Вессон»?

СУДЬЯ: — Обвинение утверждает, что Ваши романы — это банальные головоломки, что побудительные причины преступлений непонятны, а героями движут странные эмоции, да и сами герои «вырваны» из какого-либо социального контекста.

АГАТА КРИСТИ: — Побудительные причины? Да деньги прежде всего. Но и безумие, шантаж, стремление убить — иногда из-за непобедимого желания справедливого возмездия. Они «вырваны» из какого-либо социального контекста? А разве все американские полицейские «коктейли» составлены не из подозрительных ингредиентов? Потоки крови, трупы и ужас — все переполняющий животный ужас. Вы только посмотрите на всю эту продукцию, что поступает из-за Атлантического океана. А я... Мне приятно «ввести» в мой рассказ немного хорошего вина, и чтобы марка и год розлива были четко обозначены на этикетке. А вот какое количество бургундского или рейнского проглотит американский детектив на всем протяжении романа, меня совсем не интересует.

СУДЬЯ: — Мадам Агата, объясните Вашу теорию полицейского романа.

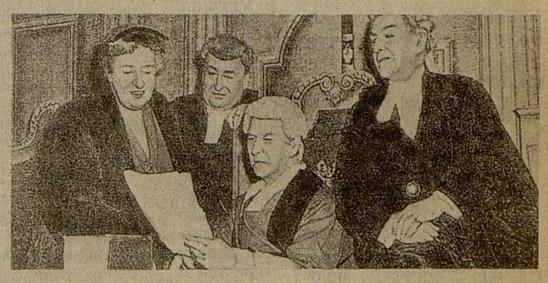
АГАТА КРИСТИ: — Преступление вовсе не начало рассказа.

СУДЬЯ: — В самом деле?

АГАТА КРИСТИ: — На мой взгляд, преступление — это окончание истории, которая началась задолго до того... в некоторых случаях, за много лет до несчастья. Должно произойти многое, что со временем неизбежно приведет заинтересованных лиц к одному и тому же месту в один и тот же день и час. Для меня полицейский роман — это история охоты, и у этой истории есть мораль, которая должна выражаться в том, что Зло терпит поражение, а Добро торжествует. В полицейском романе, на мой взгляд, главной темой должна быть самая отчаянная защита невинных. Именно это — самое главное, а не доказательство чьей-то вины.

СУДЬЯ: (читает): «...ее дедуктивный метод состоит из множественных «может быть», она разворачивает пестрый веер возможных побудительных причин преступления...»

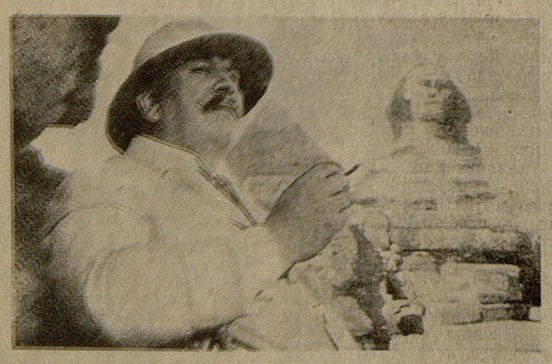
АГАТА КРИСТИ: — Вот здесь Вы ошибаетесь, это не обо мне, а об Ариадне Оливер, авторе детективных историй, героине некоторых моих рассказов. Правда, должна сказать, что это мое ироническое альтер эго. Как и она, я порой тоже не могу себе представить, кто же это совершил убийство. Вернее, представить-то могу, ибо вообще могу вообразить что угодно, и в этом-то моя беда! Если бы я, как это сделала моя Ариадна, однажды сказала бы Пуаро: «Вы не должны смеяться над моей женской интуицией. Разве мне не удавалось с первого же раза распознать убийцу?» — то галантный Пуаро наверняка бы промолчал. Хотя и мог сказать: «С пятой попытки — пожалуй, и то не всегда».



● Обложка одного из сборников рассказов Агаты Кристи.
● Питер Устинов в роли Пуаро в фильме «Убийство на Ниле».
● Первый (предположительно) портрет Эркюля Пуаро.
● Агата Кристи с актерами во время чтения пьесы «Свидетель обвинения». Она же в возрасте 83 лет на большой фотографии в середине страницы и на двух фото над заголовком (в возрасте 36 и 50 лет).

Фото из журнала «Эуропео».

ОБВИНЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНО



Недостаток фантазии и блеска стиля у Агаты Кристи просто поражает, особенно если вспомнить о ее происхождении. Родилась Агата Миллер в добропорядочной английской семье. Ее отец, американец по происхождению, имел одну слабость — любительский театр, ее мать теперь назвали бы «экстрасенсом», ее брат был весельчаком и чудаком.

ВМЕСТО ПРИГОВОРА

Процесс состоялся. А где же приговор! Он уже давно вынесен — читателями всего мира, кино- и телезрителями, театральной публикой. Агата Кристи написала 68 романов, 17 пьес, сотни рассказов. Только на английском языке выпущено более миллиарда книг и столько же — на 103 языках народов мира. И вряд ли кто-то сможет подсчитать, сколько снято фильмов, поставлено спектаклей по ее сочинениям.

Этот «приговор» зрительских и читательских симпатий будет подтвержден и сегодня — в год столетия Агаты Кристи. На ее родине, в Англии, во многих странах пройдут недели кино, симпозиумы, на экраны выйдут старые и новые фильмы, поставленные по ее книгам, театры покажут новые спектакли по ее пьесам.

Агату Кристи очень любят.

Публикацию подготовила
Л. ФИЛАТОВА.